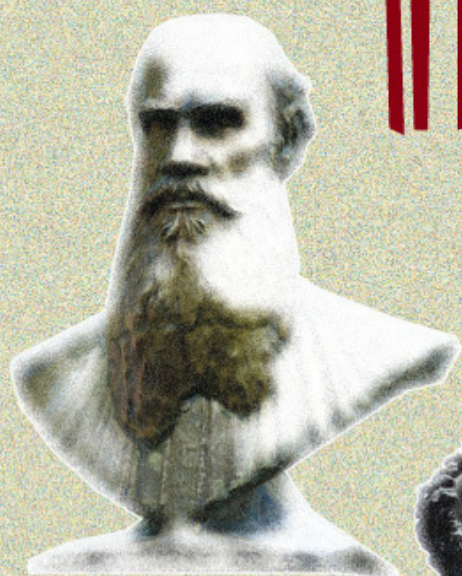

ФИЛМОН БЕРГЕСВ

ГОВОРЯЩИЕ ПАМЯТНИКИ

Книга II

Филимон Сергеев

**Говорящие памятники.
Книга II. Проклятие**

Издательский дом «Сказочная дорога»

2019

УДК 821.161.1311.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

Сергеев Ф. И.

Говорящие памятники. Книга II. Проклятие / Ф. И. Сергеев —
Издательский дом «Сказочная дорога», 2019

ISBN 978-5-4329-0168-2

Филимон Сергеев – писатель, поэт, артист кино и эстрады. Член Союза писателей России, Гильдии актёров кино России, член Поморского землячества в Москве. Снялся более чем в 50 фильмах. Лауреат премии Второго кинофестиваля «Золотой клык» за кинофильм «Рысь выходит на тропу» (2002). Лауреат конкурса «Звезда полей» (2004), проводимого некоммерческой организацией «Рубцовский творческий союз». Автор нескольких книг, в том числе романа «Идущий от солнца» (2013), книги рассказов и повестей «Орангутан и Ваучер» (2014). В романе «Говорящие памятники» писатель использует фантастические приемы повествования, вводит элементы необычного, порой нарушая границы реальности, попирая принятые условности, что позволяет ему наиболее ярко, выпукло показать проблемы и боли нашего времени. Предлагаем вашему вниманию вторую книгу романа. Первая книга выходила в 2016 году.

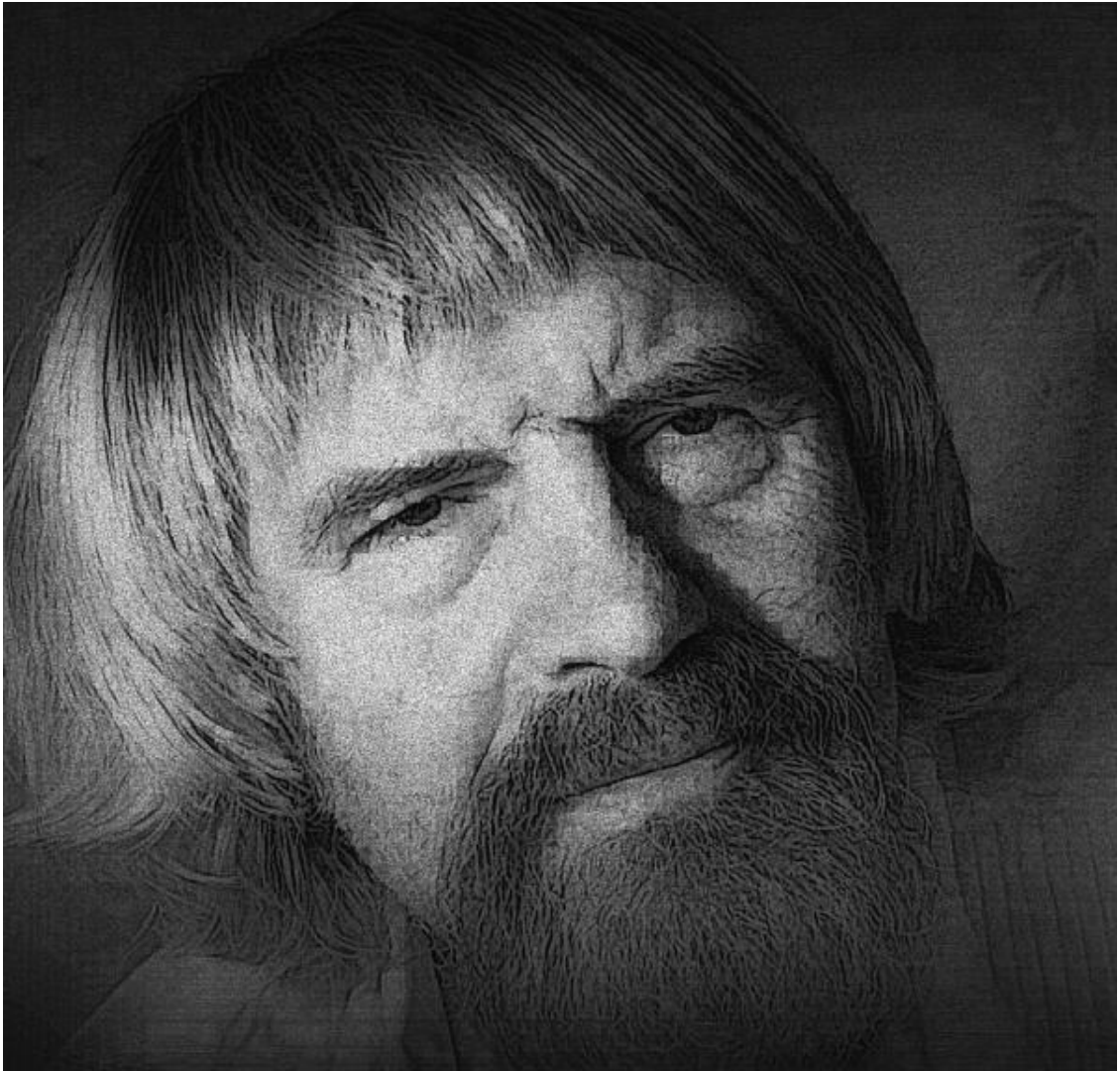
УДК 821.161.1311.4
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-4329-0168-2

© Сергеев Ф. И., 2019
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2019

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвёртая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Филимон Иванович Сергеев
Говорящие памятники.
Книга II. Проклятие
Роман

© Сергеев Ф. И., 2019

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2019

*Я прозревал, глупея с каждым днем,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век и люди в нем
Не нравились. И я зарылся в книги.*

*Мой мозг, до знаний жадный как паук,
Все постигал: недвижность и движенье.
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду им опроверженье.*

С друзьями детства перетерлась нить, -

*Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над вопросом «быть, не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.*

Владимир Высоцкий. Мой Гамлет (1972)

Всеобщее уважение к деньгам – это единственное уважение нашей цивилизации.

Не последним из их достоинств является то, что они сокращают людей низких, с той же неизменностью, с какой укрепляют и возвышают людей благородных. И только когда они удешевляются до степени обесценения в глазах одних людей и удорожаются до степени недостижимости в глазах других, только тогда они становятся проклятьем.

Бернард Шоу

Глава первая Грешный странник

*В душе такая боль и грусть!..
Прижмусь к разнеженному телу.
Заплачу, может, закричу:
«Опять влюбился в обалделую!»
Она танцует и поёт
И всем показывает губки.
Про жизнь свою, конечно, врёт -
И про искусственные зубки.
И я шепчу, и я кричу:
«Прости, прости – любовь безумна.
Не трожь мою тропинку лунную
И сердца нежную парчу!»
Танцующая рэп смешна,
Как солнца луч, но всё ж прекрасна!
Как жаль, любить её опасно -
Она немыслимо грешна.*

«Если нет извилин в голове, то надо использовать извилины в другой части тела, – подумал Мардахай Абрамович. – Количество извилин так же, как количество нефти, даёт успех. И это не Бог решил – закон совкового капитализма, который насилует всю Европу. Извилины Анюты Сволочковой великолепны. Что со мной? В меня словно проник ещё один человек». – Миллиардер, пошатываясь изогнутым волосатым телом, расчесал на груди длинные густые волосы, искусанные примадонной, надел трусы с двойным люрексом, растерянно подошёл к трюмо.

Смотреть на себя было страшно. Если бы не фильмы ужасов, которых он нагляделся в Голливуде после покупки бюста Диснея, с ума бы сошёл: левая щека была изжеванная, в помаде, губы распухшие, из них сочилась кровь. Глаза выражали ненависть и страх одновременно. Но самое дикое – они были пурпурно-красными, с приклеенными ресницами, и с левой стороны синел подглазник.

– Анюта, – тихо позвал он, – ты слышишь меня? Что с моим лицом?

– Исцелованное до смерти, дорогой мой. Я хочу начать новую жизнь и целовать тебя постоянно, забыв про деньги и успех. Иди ко мне, любимый мой поэт – изобретатель не только новых говорящих памятников, но и редкого виртуального секса с двойной тягой... Ты, конечно, изобретатель во всём...

– Но почему у меня красные ресницы? – удивился олигарх. – И залысины пурпурного цвета?

– Потому что ты моё Солнце! Единственное, вечное моё Солнце, умеющее приносить счастье. Читай стихи, которые спасли моё сердце, душу. Читай! И всегда помни: я, твоя примадонна, всюду с тобой. Ты – мой гений! Ну...

Крупин растерянно молчал, взглядываясь в своё потревоженное лицо. Тогда она тихо прошептала:

Поэт не может ничего,
Когда не пьёт любви вино.

Любовь, как свет, как солнца краски.
Она уносит властно,
Подобно сказочной упряжке,
От бед, ненастий, лжи и льда.
Он, раб бесспорный, боязливый,
В своей покорности убог.
И жалок век его трусливый,
Молчаньем предаётся Бог...
Молчаньем предаётся разум
И наша вечная душа,
Когда ты всё берёшь и сразу,
Не дав за это ни гроша.

Крупин отошёл от зеркала, обхватил уставшими «лапами» поседевшую голову, долго молчал. Искры еле заметных слёз вспыхнули на его обветренной ошалевшей физиономии и тут же угасли.

– Это не мои вирши... Это строчки последнего памятника, моя личная инициатива. Когда-то она была наказуема, теперь – дико наказуема и облагается налогами. Но кое-что врезалось в память...

– Ну, ну, вспомянай...

Наш азарт – это похоть успеха.
Гонит он лишь за длинным рублём.
Мы утратили искренность смеха,
Стал не графом мужик – кобелём.

Он неторопливо подошёл к окну, распахнул шторы, прислушался. Тут же в глубине двора заиграла музыка – вальс Мендельсона – и вспыхнул мощный прожектор с десятками тысяч энергосберегающих ламп.

– День начался с мудрых стихов, – восторженно сказал он. – Это прекрасно! И ты, моя долгожданная, озвучила их. Они повернули твои ум, душу, умиротворили сердце. – Олигарх перекрестился. – Дай Бог! Позволь мне продолжить возникшую тему.

Он отошёл от окна, набросил на плечи халат, и, разжигая камин, стал вкрадчиво бормотать:

Счастье – это ты мне снишься —
То в лозу, то в розу превратишься.
Обовьёшь хмельными лепестками,
Нежными, как будто васильками.
Полечу опять в святую бездну —
Со слезами, ласками мятежными.
Обомлею, задрожу, заплачу...
Я люблю тебя... я не могу иначе!

Он подошёл к лежавшей на просторной кровати примадонне, внимательно посмотрел ей в глаза.

Вновь чувства, чувства-васильки
От скуки гонят и тоски...

– настойчиво продолжил он читать стихи.

И в каждом поцелуе есть
Любви немислимая спесь.
Из тьмы уйти (он задумался) – большое дело,
Но дух презрев, томит нас тело.
Но в теле есть коварства лесь...
На тело нелегко залезть.
Забыв о голубой мечте,
О солнечном земном хвосте,
Который с трепетом молчит
И, силу чувствуя, торчит.

Он подошёл к швейцарской горке, стоявшей напротив камина, раскрыл её и, взяв бутылку Киндзмараули, откупорил и плеснул в фужер.

Но чувства, чувства-васильки
Вновь жмутся к телу от тоски.
И в страстном теле есть, увы,
Та страсть, чья суть без головы.
Ей преданность нужна и брак —
Жизнь коротка – люби, чудак!

Сделав несколько глотков, он ласково, с какой-то невыносимой любовью, посмотрел на Сволочкову и продолжил:

Брак – это сказочная лесь,
Как надо спать, молиться, есть.
Он превращает жизнь в полёт,
В которой главное – приплод.
А чувства, чувства – васильки —
Бегут от брака, от тоски.
Они спешат опять на бал,
Чтоб их Господь поцеловал.

– Анюта, я скучаю по балам и буйству нечеловеческой страсти. Мне хочется любить и ненавидеть одновременно. Каждый день чувствовать сладкий оргазм твоего лёгкого прикосновения. Что это?! Один Бог знает и, может быть, несколько прекрасных мумий, наполненных ароматом северной тоски и робкой печалью болотных рясок. Кстати, мумии куплены мною в Финляндии за несколько килограммов морошки. Как изменилось время! – неожиданно почти выкрикнул он. – Даже господин Мардахай Абрамович Крупин, совершивший революцию в психофизических действиях говорящих памятников, должен заниматься не космосом, не перемещением человеческих душ из вселенной в оболочку памятников, а токовищами: жалкими, безрассудными токовищами, где петух и тетёрки шупают, тискают друг друга, иногда клюют заморской виски. Тетёрки, как дети, барахтаются среди заезжих петухов и норовят их обобрать до нитки. Здесь они обретут волю и кокетство, но там, в Эрмитажах или на Шёлковом пути, из них вытянут всё и научат таким танцам, от которых разум померкнет и вся девственная прелесть рассеется, как дым. Милая моя, там, где торговля не имеет границ и душа не востор-

гается красотой, счастьем жизни, а думает о цене красоты и о том, как бы её взять в расход, там начинается гибель человека и его цивилизации. Злачные притоны, фешенебельные рестораны с лёгкой музыкой, сопровождающей прожорливый и пьянеющий ресторанный секс, – начало гибели человека. Пятизвёздочные и шестизвёздочные отели, с пуховыми гагачьими домоткаными одеялами и пуфиками из жемчугов, с посадочными площадками для складных вертолётов, – всё это удваивает, множит гибель. И пока женщина будет подстилкой для безмозглых олигархов, не имеющих души, – беда! И он опять заговорил стихами:

И есть пока слепая честь,
Как на рабыню-нимфу влезть
И думать, что она твоя,
Страсть безрассудную твоя.
До той поры любая мразь,
Святоша, олигарха власть
Будут творить своё добро,
Которому есть имя – зло!

Она знала, что любимый олигарх возник на перепродаже.
«Но при этом он великий учёный-поэт милостью Божией», – размышляла она.

Я не еду в край заброшенный,
Но уже который год
Он звенит в ушах непрошенно
И зовёт меня, зовёт. —

словно в безумное половодье вспомнились и всплыли в памяти стихи единственного. – Но где теперь найдёшь заброшенный край?! Это метафора, символ патриархальной жизни. Но метафора исчезает.

Русская литература подвергается гонению. Она не востребована, а вместе с ней и патриархальное бытие. Вспомним первые впечатления А. Солженицына о власти на местах – в поселениях. О значении уездов, земств. Чем они закончились?! В Якотском поселении Дмитровского района нет земли, но у главы – есть. Шикарная приёмная, секретари, машина. И так по всей России, кроме отдалённых северных и сибирских районов. Власть на местах лишила себя земли. Зачем она нужна, такая власть?! Ей навязали придуманный виртуальный цифровой мир, истина которого настолько далека от действительности, что может породить целую армию бытовых шизофреников и направить человеческие мозги в ту пропасть, из которой обратного хода нет. Цифры хороши, когда они не разрушают друг друга, не убивают разом созданное сотнями столетий. И если когда-то плуг был каменным и имел такие же примерно свойства, как железный цифровой, то свойства железа, полимеров, квантовых достижений не надо увеличивать. Наука развивается черепашьими шагами.

Диалектика души исчезла. В борьбе за власть (прежде всего за просторы России), дармовые деньги человек теряет разум и приобретает всё новые и новые болезни. «Чума души» – самая жуткая болезнь – пришла к нам, а с ней – жуткое заблуждение: будут деньги, будет всё. О'кей! Жрёт деньги прежде всего киноиндустрия, реклама обезумевшего гомопротеста. Сколько стоит улыбка подзаборной профурсетки-мумии, никто не знает. Можно за сто рублей уговорить, а другой – миллиарда покажется мало. Для этого кровавый рынок, со стрельбой между кланами, вырастил группу людей, знающих ту и другую среду, очень похожих на коллегторов-вышибал и зазывал. Что им надо – неизвестно...

Им хочется быть причастными к массовому зрелищу – кино. Как ни странно, от их работы зависит успех картины. Они знают многих режиссёров и судьбы многих артистов. Страшную, никому не нужную жизнь актёров, их слабости, их отчаянье и позёрство, их настоящую душу, но с глубоким духовным миром и знанием жизни. Актёр – профессия штучная и всю жизнь рулеточная. Если это не так, то он обычный ремесленник на устойчивом жаловании в театре, но не в кино. По магазинам Москвы бродят дамы, которые разучились улыбаться. Они находятся в таком состоянии, как будто их лишили всего: красивой одежды (потому что они всегда в брюках, как лесорубы из ГУЛАГа), в левой руке зонтик, в правой – сигарета, смартфон висит на шее, как предсмертная петля безумной и никому не нужной жизни. Её основное занятие определить невозможно. В её глаза так и хочется поставить букву «Д» (деньги). Кроме денег, её мало что волнует. Деньги – значит, новые покупки, потом опять деньги, опять покупки (айфоны, смартфоны, и так до бесконечности). Они ищут глазами то, что хочется съесть и быть счастливыми от этого. Миллионы лет назад, когда человек научился добывать пищу, он был счастлив от того же самого. Но если к пище, для полного счастья, добавлялся мужчина, то пища приобреталась и для него. Вероятно, только этим московская женщина отличается от мужчин. У неё большие, как у акулы, зубы, руки почему-то пахнут потом. И откуда такие запахи – понять невозможно. То ли от ночной смены и протухшей гелевой смазки, то ли ещё от чего... Кто впереди идёт, мужчина или женщина, не поймёшь. Желание что-то съесть истребляет всё: и талию, и мозги, и диалектику души. В России появились службы, названия которых даже выговорить невозможно. Надо долго и очень многословно объяснять, что это. Например, как называется такая обязанность следить за ягодниками, грибниками, рыболовами, охотниками, чтобы они платили налоги за свой природный товар, я не знаю. Но такие организации существуют. Одна из них: Платформа ОФД, Подразделение Л. Центрик, поддержка 54 Закона Российской Федерации. Что это такое?! Это страшное эхо, которое раскатилось по всей России после мощного крушения производства, – не стало работы. Но и тех людей, которые каким-то образом выжили после распада, не растерялись, оставшись без дохода, стали добывать сами себе на хлеб-соль кто как сможет, их тоже обложили налогами с разными названиями, модификациями типа «Брендузел» или «Бонус есть». Эти хлопцы отучают людей от труда и способов добычи на хлеб мяса, жира, так как собираемый с них налог намного больше примитивного производства налогооблагаемого. Поэтому мужики бросают своё хозяйство и уходят в подполье, строят лесные избышки для добычи минимальных средств пропитания. Но даже там их преследуют и жгут построенные срубы. Это уничтожение русской нации, и спорить с этим бесполезно. Кому это выгодно? Прежде всего глобализаторам – зарубежным инвесторам. Как говорится, чтобы русского духа не было на славянской земле! Как это называть?! Что это такое?! Истребление!!

Нескончаемый поток мыслей нахлынул вдруг на Анюту Сволочкову после встречи с Джоржи Омари. «Что он имеет? – размышляла она. – Деньги... Много денег. Дворец с чёрными функционерами. Множество попугаев: джако, какаду, но главным образом неразлучники. Наверно, рассчитывает, что я день и ночь буду восхищаться их красотой. Какой он жалкий тип! Яйца у него как у лилипута, с гайдаровскую горошину. Три «хаммера» имеет, чернявый. У папы, у мамы и для себя.

Здесь Сволочкова оборвала навалившиеся на неё мысли и с надеждой взглянула на своего гения. А Мардахай Абрамович был в хорошем расположении духа и читал вслух свои стихи.

Как-то утром в полутьме —
И в осеннюю прохладу
Слышу – эхо вторит мне:
«Друг родной, скажи, что надо?» —

По утренним покоем разносился громкий, леденящий душу голос:

– Эхо, эхо, погоди!
Есть родник, есть деньги, кров,
Но послушай: помоги мне найти
Мою Любовь. —
Почернел прогорклый лист,
Сердце дрогнуло от боли.
– Эхо, я не скандалист,
Дай любовь, как Божью волю.
Задрожал осенний свет,
Месяц охватил лучами.
Эхо шепчет мне в ответ:
«Мастер мысли неслучайной,
Есть в России кров, тепло,
Драйв заморский, суперсвет,
Время сайтов расцвело,
Но любви, поверь мне, нет».
– Может быть, она умчалась
К Анне Снегиной в Лондон?
Сердце с грустью вспоминало
Сладкой неги чуткий сон.
И опять печаль, тревога...
Эхо ёкнуло в груди.
– Эхо, сжался ради Бога,
Отыщи любовь, найди!
Ты, звенящее, подлунное,
Не боишься вторить мне.
По копейке копишь сумму,
Чтобы не был я в тюрьме.
Ты найди такую даму,
Чтоб умела говорить:
Робко, нежно: «Папа... мама»
И, как я, могла любить.
Чтоб осенними ночами
Нам дарила добрый свет,
И с молитвами, свечами
Стих слагала, как поэт.
Чтоб планшетные забавы
Не бесили разум, кровь.
Чтоб не в сайтах, а в дубравах
Нам Господь дарил любовь.
Не хочу я жить на свете
Без моей святой любви!
Эхо, лёгкое как ветер,
Отыщи любовь, найди!
Тишина, покой, цветенье...
Эхо вздрогнуло, молчит.
– Эхо, я в большом смятенье,

Сердце молотом стучит!
Мне не надо сайдинг-банков,
Прочь офшоры-кобели!
«Хаммер» закрути в баранку,
Пылью сделай все рубли!
Но чтоб вновь на белом свете
Ожила рассудка кровь!
Эхо, знаешь, я в ответе
За Отчизну, за Любовь.
Эхо слушало, вздыхало
И рыдало по ночам,
Эхо думало, молчало
И грозило сволочам.
Умер я... в плену, в оковах
На груди святой души,
А потом вдруг ожил снова.
Слышу шёпот: «Не спеши...»
Мне шептало эхо тихо:
– Странник, я тебя люблю,
Я, как мастер, как портниха,
Саван золотой сошью.
Будешь нежиться, как в сказке,
Грешник, не умри совсем!
Где восторг души, где ласка,
Где дыхание богем?!
Ожил я в беду иль в счастье,
Эхо оживило вновь.
– Прочь страданья, прочь ненастья!
Я воскрес! Но где любовь?!
И опять печаль, тревога
Защемили сердце, грудь:
– Эхо, сжался ради Бога,
Сделай, сделай что-нибудь!
Пусть начнётся жизнь сначала.
Вера будет и тепло...
Ты не раз меня спасало,
Душу нежило и жгло...
Дай простор мне, дай молитву,
Клятву дай и чудеса...
Вера в счастье не забыта!
Пашни, воды и леса
Любим мы, а это значит
Дух России, страшный пир
Мы разучимся дурачить
И построим новый мир.
Эхо слушало, вздыхало
И рыдало по ночам,
Эхо думало, молчало
И грозило сволочам.

И опять на белом свете
Слышал я и стон, и крик...
Эхо превращалось в ветер, —
Исцеляющий родник.
Вновь осенними ночами
Нам дарило радость, свет
И с молитвами, свечами
Стих слагало, как поэт.

Анюта не могла сдержать слёз. У неё словно остановилось дыхание. Губы её плотно сжались, брови напряглись в какой-то жуткой растерянности. Она то ли плакала от радости, то ли смеялась от печали и нежности, и вдруг с точностью стенографа повторила слова своего любимого:

Мне не надо сайдинг-банков,
Прочь офшоры-кобели!
«Хаммер», закрути в баранку,
Пылью сделай все рубли!

– Bravo, bravo, дорогой мой поэт!.. – она опять то ли заплакала, то ли засмеялась. – Но этого никогда не будет! Материя торжествует, а дух страдания, любовь к милосердию, к женщине так и останутся не востребованной, незавершённой, безответной любовью. И если, не дай бог, что-то случится с нашей грешной планетой, то первыми её покинут жирные, плохо соображающие коты вроде нашего кастрированного Барсика, не учёные, не космические следопыты, не гении, а властвующее бездарное звено, пустоеды, злодеи.

Анюта была счастлива. Наконец-то поэт заговорил о конкретной печальной любви, не безумно плотской, как с энгельбардовскими мумиями, после которых он обычно отворачивался, словно без особого удовольствия заканчивая необходимый обряд мужской страсти. Молчал и думал, думал и молчал.

«Любовниц много, – размышлял он. – Но надо выбрать одну. Холостяцкая жизнь закончилась».

Признания Сволочковой заставили остановиться. Он понял, что надо решаться.

Всё это произошло в сложный момент. ООО «Чистилище», основанное на глубокой морали великих просветителей теперь распадалось, и самое страшное – ультрамариновые энгельбардовские мумии выходили из-под контроля, устраивали протесты, возмущения и каждый месяц пытались покинуть подземелье. При этом каждая могла прихватить столько, что хотелось бросить все научные эксперименты и начать всё снова. Фамилия Васильевой, покинувшей подземелье с золотыми и платиновыми поделками, из Ренессанса и барокко, не давала покоя самым востребованным и бог весть как закодированным мумиям.

«Если она, Васильева, – размышляли в кордебалете, – фактически обобрала Чистилище и с ней ничего страшного не произошло, то есть лазейка обогатиться и слинять».

Колбасов, главный эксперт по антикварам, находившийся теперь в розыске, был ещё одним страшным примером для подражания. Но Колбасов знал многие тайны подземелья, о которых не знали энгельбардовские мумии.

Он мог, не выходя наверх из Чистилища, оказаться в любой торговой точке Москвы.

Конспиративные тоннели он знал как свои пять пальцев. Поэтому воровал нахраписто, нагло. Но то, что он сотворил с офисом олигарха, несравнимо ни с каким богатством.

Об этом Крупин старался не думать, надеясь, что преступник скоро обнаружится.

Но шли месяцы – результата не было.

Глава вторая

Городские грешники

Как раз в эту страшную пору (как говорят в народе: «Хоть в петлю лезь», от жутких проблем, а по видео – танцы-шманцы или политическая болтовня) в покоях миллиардера появился говорящий памятник Льва Николаевича Толстого. Как всегда, с кучей предложений и с одним вопросом: долго ли ему осталось говорить и нельзя ли продолжить литературную работу в рамках подземелья? Мардахай Абрамович, несмотря на приближающийся крах Чистилища, был в хорошем расположении духа и встретил Льва Николаевича стихами.

– Анюта, готовь чай! Крепкий, как у Позднышева... Помнишь «Крейцерову сонату»?... Бальзам из морошки я сам возьму.

Миллиардер неожиданно встал в позу Пушкина, что стоит в Москве на Пушкинской площади, прочёл тихо, проникновенно, почти шёпотом:

В спальне, словно во вселенной, —
Дышат радостью слова.
Мы с тобой, мой друг, нетленны,
Как сказанья, как молва!
Мы с тобой, мой друг, бессмертны,
Мы летим, летим, летим.
С нами бури, штормы, ветры...
Мы Россию сохраним.
И живём мы не напрасно,
Дышат вечностью слова.
С нами воля, вера, сказка,
И слова, слова, слова...

– Чем полезен буду, Лев Николаевич? – поинтересовался Крупин после прочтения стихов. – Боже мой, кого я вижу, Анюта Сволочкова!.. А я думал, Вы в Эмиратах, у этого, как его, Ольмари-Кольмари?

– Джорджи Омари, владелец трёх банков в разных частях света, а также магазинов с попугаями-неразлучниками – международный президент пуха и пера...

– А мы теперь знаем, сколько Вы стоите, – оборвал Сволочкову Лев Николаевич. – Это не гастроли... Переспала с петухом, владельцем трёх банков – и будешь всю жизнь мощной трясти перед такими же петухами, попугаями-неразлучниками. А миллиард – это так... как сейчас говорят, виртуально. Сегодня он миллиард, а завтра на этот миллиард буханки хлеба не купишь.

Как ни странно, олигарх поддержал его.

– Надёжность рынка разваливается не по дням, а по часам, – сухо и зло сказал он. – Эстетика рынка та же самая, как в отловле кулаков и частнособственников в первые годы «совка». Только там хозяйство отбирали на колхозные нужды, а теперь налог. Куда? На что?... И цифра его – запредельная, а то и тюрьма за невыплату.

– Простите, Лев Николаевич, что такое мощно? – неожиданно поинтересовалась Сволочкова. – Вы часто употребляете это редкое слово.

– Но я не олигарх и не миллионер. Меня интересует диалектика души русского человека. Ваш жених Мардахай Абрамович, наш уважаемый перекупщик нравственных ценностей, больше осведомлён в этом вопросе.

Миллиардер хитро заулыбался и сделал потягушечки, как малый ребёнок.

– Ценность мошны мне пока неизвестна. Писатель имел в виду не ту мошну, которой я могу ошеломить многих олигархов.

И миллиардер опять заговорил стихами:

Олигархи, олигархи,
Вы не люди, вы – подарки.
Вы с деньгами связаны,
Как бомжи проказами.
В теле вашем нет души,
Зато много скользкой лжи.
Ваш конёк – продажный мир —
Бонус, ваучер и пир...

– Свою мошонку, которая пока не подводит, я хорошо знаю. А вот её мошну... Посмотрим...

– Да, Вам жениховство необходимо. Пока тяга есть и зверь бежит... «Глухарь к кополе спешит», – зарделся от сладкого чувства любви великий писатель. – Вы же, Мардахай Абрамович, не блудник, не наркоман, и способны на духовную, а не на чувственную любовь. Хватит баловать себя артистическими потехами!!! Так ведь? С одной, с другой, с третьей переспшишь, – и глаза разбегутся, и мошонка ваша, которая пока не подводит, вмиг растеряется. Физический акт закончится, а дальше что?! Гитлер капут! Как Вы считаете, Мардахай Абрамович? Может, многожёнство после свадьбы прекратится, и общий язык с примадонной появится? Может, она мечта Ваша, она ведь не на панели родилась, и краснощёкий Тарзан, который умел любую гориллу оплодотворить, ей не пара. Вы взгляните в её глаза! В них что, буква «Д» стоит? Деньги? Или одна сладость женских чувств. Они гармоничны и прекрасны, как Ваша история с памятниками. Давайте, давайте, дорогой друг, пора жениться!

Олигарх чуть-чуть нахмурился, тревожно задумался.

– Вы что, Лев Николаевич, пришли, чтобы на свадьбе тамадой быть? – тихо спросил он.

– Я был бы счастлив, Мардахай Абрамович. У меня даже подарок есть, и для Вас, и для мадам Сволочковой.

Олигарх весело рассмеялся, а Аня несколько раз хихикнула.

– У нас в России браку уделяют особое внимание. И брак по вызову считается дурным тоном. Хотя...

Брак – это сказочная лесть,
Как надо спать, молиться, есть...
Он превращает жизнь в полёт,
В которой главное – приплод.

И так далее...

Олигарх вдруг расхохотался ещё громче, а Сволочкова развела руками.

– Аня! Анятушка, иди ко мне, я богатею от смеха! Душа рвётся от недоразумения. Первая дочь моя – Зела-пионерка – великий трансформер! А сейчас кто будет?

– А сейчас... – Сволочкова сделала неожиданный пируэт, потом – канкан и закружилась в диком танце Шемаханской царицы.

– Только бы не «Баблогрыз»!.. – орал что есть мочи подземельный миллиардер. – Собственными руками удушю! Только бы не бизнес-предатель. Мошенник, дворцовый шут...

– Это Вы кого имеете в виду? – поинтересовался писатель.

– Всех! Всех! Всех! Всех производителей ваучеров и глупых ценных бумаг, которые и не горят, и не гниют, и пытаются править миром. Мавродито – современный Штирлиц – до сей поры процветает! Приветы шлёт русским дуракам. Теперь из Африки. А мы и рады. «Будем драться до победы. У нас Бессмертный полк!» А мне на днях старый олигарх позвонил, сверху, конечно. – Крупин ткнул пальцем вверх. – Он ещё до перестройки олигархом был. Европа, говорит, у вас учится. И вдруг приглашает меня в Берлин, в кафе по международным связям. «Приезжай, говорит, у нас тут свой Бессмертный полк заслуженных миллионеров; сидр, виски и водка, конечно. Европейский секс тоже бессмертен. Он рядом, напротив, в этом же здании и в этот же день сексуалки со всего мира собирают свой женский форум под названием “Секс бессмертен!” Приезжай».

В спальне олигарха наступило долгое и мучительное молчание. Где-то в глубине подземелья задрожал и разнёсся по всему Чистилищу тяжёлый, изнуряющий вздох каолиновой вазы.

«Неужели Авдотья Кирилловна всё слышит? – подумал олигарх. – Может, голос у меня, как у Высоцкого? Может, в подземелье акустика не как наверху?»

Классик плохо знал, что такое секс. И если бы умные люди внимательно читали Толстого, они бы не посмели так извратить любовь и сделать её забавой, якобы полезной для здоровья, и назвать сексом. «А ведь эта забава, может, она вовсе не забава, и вовсе не полезна, – размышлял писатель. – И отправление спермы, лишь бы избавиться от неё и получить сиюминутное удовольствие, – великий, разрушающий жизнь человека грех. Человек, познавший нескольких женщин для своего удовольствия, уже ненормальный, испорченный. И если это в один день, – это ужасно. Он может воздерживаться, но потом чистосердечного, братского отношения к женщине у него уже никогда не будет. Он может щупать и гладить её тело, словно механическую куклу, но той искренней, чистосердечной нежности к ней уже нет. Она потеряна с другими королевами. Секс – это разврат: пьяный, спортивный, наркотический, субтильный, но разврат. Почему талантливые люди в основном из деревень? Там разврата меньше, и он неоплачиваемый (денег нет). И каждый развратник, так же, как и вор или мошенник, известен всей деревне. Ему деваться некуда, всё на виду и он едет в город. Любой город – это скопище бандитов, жуликов, наркоманов, воров, проституток женского и мужского пола... Нет такого порока, который не был бы властителем, а теперь и суперолигархом, создающим в городе свой уклад жизни, свои законы. В городе мы не знаем друг друга. Город – это плохо: мало общения; смотрим на внешность и делаем свои выводы – крутит человек «Солнышко» на турнике, а ему уже под шестьдесят, значит, хороший, продвинутый. «Боится людей, живёт себе на уме», что-то всё время скрывает, прячется от людей, как от диких зверей. «Солнышко», конечно, не крутит, боится, про всех всё знает, учит всех жить, – от такого подальше. В городе люди не вникают друг в друга, мастерски скрывают своё истинное поведение, прячутся «от греха подальше», потому что они сами – грешники-разрушители. Грешники, создающие земную цивилизацию не одно тысячелетие, и всё не получается лишить их жалованья, они и часа за так не проработают. Сбегут. Деньги для них больше и дороже самой возвышенной, сердечной любви. Они и в городе появились, чтобы что-то схватить, выщипать, набить собственные карманы чем угодно, лишь бы властвовать, диктовать и потешаться над такими же грешниками, которые чаще ходят в театры, в кино, в церковь, в развлекательные клубы и знают больше их о душе русского человека. Они тоже городские грешники. Но знают многие прелести города, где можно за один день оказаться раздетым до трусов, голодным, никому не нужным бомжом, без документов, избитым до неузнаваемости и в конце концов разрезанным на отдельные органы свободного рынка».

Это обстоятельство сильно смущало Льва Николаевича Толстого. Он вдруг перекрестился и представил, как Марию Александровну, Сергея Михайловича, Наташу Ростову, Анну Каренину, Вронского режут на части, и ему стало плохо.

– Что с Вами, Лев Николаевич?!

Памятник вдруг лихорадочно затрясло.

– Что с Вами? – повторил олигарх.

– У-у-у, – зловеще простонала двухметровая бронза. – Мария Александровна! Бог с тобой. Я на фронте такой мерзости не видел и не знал! Это не грешники... Это переодетые черти режут скальпелями наши раненые души. Мне больно, стыдно за них! Россия, ты слышишь, как хрустят кости, как рвутся нервы истинно русских людей?!

– Он бредит, – прошептала Сволочкова.

– А ты что слушаешь?! Беги за Гиппократом! – Мардахай Абрамович задумался и вдруг понял причину, столь сильно потрясшую писателя.

«Животный мир, в котором мы проживаем сейчас, не для тонкого художника, изучающего диалектику души русского человека, – подумал он. – Сейчас процветают силовики. Хватают всех подряд, кто против безумного, жестоко облагаемого рынка. Штрафы дикие, непомерные. Растут с каждым кварталом!»

– Это не грешники... Это переодетые черти режут наши души, – опять простонала бронза. – Народ, собери силы и бей их кто как может! Кто словом, кто кулаком...

Припадки и бредовое состояние были редким явлением для памятников. Если они говорили, значит дышали, и их беспокоили те же самые проблемы, что и людей. Только гранитная, бронзовая или серебряная оболочка сковывала их души. Неговорящие и не мучились никакими проблемами. Они ждали инициативы мастера.

Хозяин был в растерянности. «Если открыть рот всем памятникам, – размышлял он, – то получится ерунда! Сергей Есенин закричит, что земля продаётся не тем людям. В деревнях нет песен, радости, взаимного понимания. Ржаная водка стала „палённой“. Весь разум и дыхание луговых покосов только в телевизоре. Василий Шукшин назовёт русский капитализм преступлением, Владимир Высоцкий скажет: „За что боролись, на то и напоролись!“, а Василий Белов перестройку окрестит „Бедой“»...

Глава третья

Гиппократ и его удивительный разум

Серебряный Гиппократ – фигура с маленьким человеческим ростом, имеющая нарядную шляпу и сильно истоптанные туфли, – появился очень скоро. Гиппократ плохо говорил по-русски, но доходчиво.

– Моё почтение, мастер. Я нахожу Ваше лицо не совсем здоровым, – сразу начал он.

– О здоровье подумать некогда, – приветливо улыбаясь, с низким поклоном, ответил хозяин. – Только болен не я, а Лев Николаевич. Он бредит в припадке. Я в растерянности... С ним такое впервые.

– Бред, бывающий вместе со смехом менее опасен, – тихо и вкрадчиво сказал Гиппократ. – Но бред серьёзный более опасен.

– Чертей баламутит писатель наш...

– Борьба с чертями – опасно. А не бороться ещё опаснее. Весь мир заполняют. Может, гомопродукты остановят прирост, – играя в мудрость, рассуждал олигарх. – Нахрапистый чёрт страшнее самого профессионального дьявола, сидящего в тёплом кабинете. Он непредсказуем и готов ободрать Землю как липку.

Хозяин с жалостью смотрел на бронзовое безжизненное лицо великого писателя, и, поняв, что он невменяем, предложил Гиппократу сесть за стол рядом с отяжелевшим русским классиком на деревянную лавку.

– Почту за честь, – сухо сказал Гиппократ.

– Врач-философ; ведь нет большой разницы между мудростью и медициной. Ваши слова, странствующий целитель?

– Да. Оно так и есть. Человек – не просто животное, постигающее земную юдоль. Его разум сознательно связан с космосом. Он такой же бесконечно озарённый, постигающий в движении всё на свете, как и космос, как Вселенная. Только философ может отважиться на такое постижение. Врач помогает ему понять этот странный очаровательный мир, и без философии здесь невозможно.

– Тогда скажите мне, философ, почему технический прогресс кое-как шевелится, а псевдонравственность, изошрённая проституция, аморальное поведение растут с большой скоростью, и рожать скоро будет опасно.

– Вы что, за этим позвали меня? – нахмурился Гиппократ.

– Нет, нет, уважаемый философ. Этот вопрос волнует меня лично, потому что я собираюсь жениться. Хватит разбойничать и целовать сексуалок! Можете не отвечать!

– Нет, я отвечу, хотя бы в порядке уважения к Вам. Не Господь подарил мне вторую жизнь, а Вы – великий мастер преобразования человеческой души. Благодаря Вам, я готовлю ещё один труд. Вероятно, он будет называться «Влияние строительного камня и цветных металлов на разум говорящих памятников». Но запомните, мастер, древнюю истину: «Сколько звёзд на небе, столько обманов таит женское сердце». Любовь может переродить человека, но сосчитать звёзды она не в силах. А теперь к делу. Что произошло с классиком до припадка?

– Я ему рассказал, что в Берлине, в кафе по международным связям, собирается Бессмертный полк миллионов. А напротив, в этом же здании и в этот же день, съезжаются сексуалки со всего мира. У них форум под названием «Секс – бессмертен». Лев Николаевич загрустил, задумался и начал высказываться про городских грешников и переодетых чертей. А ведь сначала жениться советовал, чтобы многожёнство и флирт акробатическо-постельный прекратить. Сволочкову в пример ставил. Стихи читал:

Пока тяга есть и зверь бежит,
Глухарь к кополе спешит.

А потом олигарх с грустью посмотрел на беспомощного классика

Памятник сидел за широким столом, опустив голову, и обеими руками прижимал её к поверхности стола.

– Вес говорящего изваяния? – поинтересовался врач.

– Полтонны... и говорить ему... всего-навсего до нового затмения Солнца.

– Негусто, – сказал Гиппократ. – А мне сколько осталось? Простите, мастер, за любопытство.

– Вы из павильона дорогих металлов?

– Да, да, не цветных, а именно дорогих, ценных. Доступ к нам только по электронике.

– У Вас особый режим. Надо смотреть таблицу. По-моему, ещё лет пять. Что будем делать с памятником писателю?

– Лечить. Чего не излечивает лекарство, излечивает железо. А чего железо не излечивает, излечивает огонь. А чего огонь не излечивает, то должно считаться неизлечимым.

Мардахай Абрамович глянул на камин и вспомнил про железную кувалду.

– Какое у тебя лекарство от припадка? Не кувалда ли железная?

– Погодите, мастер, – наступила неловкая пауза. – Что сначала было на свете? Ну, ну...

– Мне сейчас не до этого... беда за бедой...

– Слово...

– Да, да, слово... слова, слова...

– С них и начнём. Вы же изобретатель изысканных слов...

– Да, да, но я не мастер слов. Я работаю с памятниками.

– Вы – поэт. Об этом мне Михаил Васильевич Ломоносов сообщил во время процедуры. Не прибедняйтесь. Давайте словом попробуем лечить, добрым, приятным словом, а потом видно будет, каким лекарством пользоваться.

Хозяин растерялся ещё больше.

– Но я не писатель, уважаемый Гиппократ. Я не прибедняюсь. Так, для души соединяю мысли и слова... Как поэт. Я не мастер. Меня вдохновили памятники, и я научил их говорить. Но я не профессионал в построении слов.

– Вы думаете, я профессионал? Да, я не спорю – лечит болезни врач, но излечивает природа.

– А клятву Гиппократа кто придумал?

– Не смешите, Мардахай Абрамович! Клятву я перевёл на греческий язык, странствуя по Египту как бродячий актёр-врач. Она помогает мне нести службу.

Хозяин ещё больше растерялся.

– Ищите подходящие слова, уважаемый, не ленитесь, – твёрдо сказал Гиппократ и, встав, предложил Мардахая Абрамовичу присесть рядом с классиком.

Сволочкова делала вокруг стола, за которым сидел обморочный Лев Николаевич, нетопливые круги, предлагая крепкий индийский чай со сливками.

Миллиардер вспотел. Он робко подсел к писателю, задумался, вероятно подыскивая подходящие слова, но слов не находилось, и он кусал губы, чесал затылок: «Зачем я рассказал злую историю про бессмертный полк миллионеров и про этот маразматический форум дам с громким названием “Секс бессмертен”. Получилось, что блудники – бессмертные морфинисты» – размышлял он. – Ерунда какая-то получилась».

Между тем бронзовый Лев Николаевич Толстой с невнятного шёпота перешёл на затяжной храп и руки с головы убрал, переместив их под голову. В спальне стало тихо, но храп был очень громким и непредсказуемым. Он в любую секунду мог оборваться.

– Лев Николаевич, это я, Мардахай Абрамович! Вы слышите меня? Это я, Мардахай... – робко начал шептать хозяин прямо в уши писателю. Пальцы рук классика зашевелились, скользнули по столу и коснулись стоявшей на краю стола стеклянной пепельницы.

– Блудники, морфинисты, курильщики, – он вдруг что есть мочи стиснул пепельницу, она хрустнула, и окурки полетели во все стороны. Как только писатель приподнял голову и глянул по сторонам, Мардахай тут же что-то вспомнил:

Мир соткан, соткан из любви
И потому неувядаем —

сразу завопил он нечеловеческим голосом.

Любовь есть в Солнце и в крови,
В дыханье звёзд и в розах мая,
Везде полёт её души, которая, как мир, нетленна,
И потому её богема плюёт на злата барыши.

Бронзовый Лев Николаевич неожиданно прислушался к стихам.

Ей всё равно, какая власть, какая вера, жизнь какая,

– продолжал декламировать вспотевший олигарх.

Любовь не может низко пасть,
Любовь падения не знает.

– Лев Николаевич, что с Вами?

– Я... я... я приустал немного, мне больно внутри, что-то словно оборвалось. Но стихи твои прекрасны. А дальше помнишь?

Любовь идёт повсюду в бой,
Через проклятья и усмешки,
И всюду ищет путь святой
Необъяснимый, поднебесный.

– Bravo, Мардахай Абрамович! Что-то стряслось со мной, и я уснул, а теперь, видишь, проснулся. Любовь наверняка существует и нам без неё никак. А эти сексуалки-вертихвостки в модных джерси и в дымчатых окнах пусть зарубят себе на одном месте, что без любви мы никто и никуда. Я против секса! Я за любовь.

Мардахай Абрамович и Анюта Сволочкова внимательно слушали классика, не пропуская ни одного звука. Они хорошо знали, что такое сексомоторное наслаждение и как на косачином току пользовались природной взаимностью, и обоюдное, чувственное внимание было у них на первом месте. В эротических движениях они рассматривали друг друга, как будто видели впервые, и любовались каждым искренним словом, сказанным во время сладкого наслаждения, а также в перерывах между длинными удовольствиями. Но что такое нравственное духовное наслаждение, о котором всё время твердил Лев Николаевич Толстой, им было неизвестно. Татьяна Ларина, Наташа Ростова, Машенька из повести Толстого «Свадебное счастье», Нина Заречная в «Чайке» А. Чехова – всё это были несказанно духовные и красивые люди. Но в жизни они их не встречали, а в Чистилище тем более. Этот факт волновал и олигарха, и Сво-

лочкову. Неужели так фантастически изменились люди с той, совсем недалёкой, поры позапрошлого века? Может, деньги были другими? Может, совесть и страх перед Богом заставляли надеяться и верить? Может, отвернувшись от милосердия и влияния Божественных земных сил, малограмотные большевики и местечковые чиновники нарушили тот царственный дореволюционный уклад жизни, который угнетал их. И пошло, и поехало! Ненависть друг к другу, гражданская война. Тут уж – раздолье сексу и мимолётным половым связям не было конца и края.

«Фильм „Чапаев” – замечательный фильм, но где сцены, как Анка-пулемётчица, наслаждаясь новой грядущей жизнью и приходом забубённой власти, ненасытно отдаётся Чапаеву? – рассуждал олигарх. – А Петька помогает ему в период разработки Чапаевым стратегических планов и востребованного отдыха главнокомандующего. Петька тоже спит с Анкой. И это с приходом другой бездуховной власти вполне закономерно, естественно. Потому что малограмотный человек – это страшное животное, убивающее и поедаящее всё вокруг. Благо есть приспособление и оружие для исполнения желаний. Вот откуда а взялись эти ужасные безрассудные люди в дикой погоне за деньгами, властью! Вот почему заезженные слова „культура”, „искусство” не меняют своей структуры! Потому что в истине ничего не меняется. Деньги и власть, а культура, искусство есть – хорошо, нет – ещё лучше. Но в дореволюционной России культура была, конечно, не для бедных людей. Но бедные тоже приглядывались к богатым и кое-чему учились у них (в основном, как беречь и тратить деньги, как экономить). В с е г д а помнить – Плюшкин в наше трудное и дорогое время – уважаемый человек!! Посмотрите на новых орлов-коррупционеров, спросите у них, что такое любовь? Без секса никуда!!! Вино, ресторан, полупризрачная просторная, как неувядаемая Красная площадь, постель и желание талантливых, продвинутых детей и много-много денег. Современные ястребы быстро летят! Но куда? Вот ответ на вопрос, почему так сильно изменились люди. Они не знают, куда летят. И немалая часть летит к личному обогащению. Вот и всё. Больше их ничего не интересует.

Лев Толстой готов безжалостно наказывать за такой бардак, за такую пошлую безнравственность. И правильно! Они могут нарожать столько жутких уродов, что не только в России им не хватит места, но и в Китае, в Америке. Двойное общение. С двумя сразу. Но лучше с двумя, но не сразу, а в разных местах в один день. Этот половой животный нетерпёж перебрался к нам с Запада и стал гордостью многих ненормальных мужчин. Но это прежде всего распушенность и незнание законов природы. Чем больше думаешь о любимой женщине, тем она милее и краше, и весь мир преобразается. И как, каким образом и где произойдёт отправление, думать грех. Это в руках Всевышнего. Хочешь так, а получится всё иначе. Главное – она рядом, любящая и стремящаяся к твоей душе, к твоему сердцу. А всё остальное пусть прилагается в одной или другой форме. Перестройке более тридцати лет. Где истинные поэты?! Где писатели?! Где художники?! Где киномастера без политики? Не те, что собирают деньги на издание новых проектов, и творчество их на этом заканчивается, а истинные, чтобы вдохновляли, звали к новым переменам, к новым задачам, подвигам. Жаль Высоцкого, жаль Рубцова, жаль Шукшина (поэта в своих рассказах), Есенина жаль, Маяковского, Шолохова, Твардовского, жаль и многих других создателей новой культуры на явном страшном бескультурье. Новая поросль, новое дыхание набирало тогда силы: братья Васильевы, фильмы „Чапаев”, „Волочаевские дни”. Сергей Эйзенштейн, принявший страшную кровью сделанную революцию, – „Александр Невский”, „Иван Грозный”... Была цель, было направление, основанное на славянофильстве. Всеволод Пудовкин – „Головня”, фильмы о несгибаемом мужестве, беспринципной, безжалостной, жестокой борьбе за светлую цельную Россию – „Мать”, „Суворов”, „Минин и Пожарский”, „Чингисхан”, „Броненосец Потёмкин”. Сейчас всё подчинено шаткому западно-американскому бизнесу, его резкой хватке, что выгодно и доходно сейчас, а что нет. Все корпорации, все холдинги, всё производство – по западным меркам, покрою. Всё оттуда: реклама, бонусы, якобы бесплатные подарки за редкую покупку, беспроектная лотерея,

тендеры, шоу красавиц, эстрадное шоу. Гостиницы на западный манер: шаньги с картошкой из Китая, с фортеклюквой, с фортечерникой, с фортебрусникой и т. д. А где Россия?! Где Ваньки-встаньки – на все руки мастера?! Нет! Надо жениться и начать новую жизнь. Где-нибудь в Сибири, на отшибе. Подальше от этих бескультурных людей».

Олигарх тряхнул головой, вытер пот со лба, снял халат, ночную рубашку.

– Анюта, дай мне новую одежду и принеси более праздничный халат. Я вспотел. Лев Николаевич, разговор будет очень серьёзный... Хотя после этих сексуалок, бессмертного полка миллионеров трудно говорить более серьёзно... Но Вы за любовь, а?

– За любовь, только за любовь!.. И за Ваши прекрасные стихи о ней. Надеюсь, Вы всегда их помните?

– Ещё бы!

Есть у любви глубокий смысл —
Она расчёту неподвластна.
Наверно, оттого прекрасна
Судьба влюблённого и жизнь.
Но как же подл любовный мир,
Где всё расчётливо, продажно
И обольстительно-отважно,
Пока звон золота и пир.
Но как ничтожен мир игры,
Где нет любви, где только маски,
Распад прикрыт румяной краской
И шмотками из мишуры.

Только тут олигарх обратил внимание на стоящего в дверях спальни Гиппократ.

– Господин Гиппократ, спасибо Вам, – он поднялся из-за стола босиком, в одних трусах с двойным люреком. – Вы так легко справились с проблемой.

– Рад стараться! Если сон облегчает страдания, – болезнь несмертельна. И потом – жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропроходящ, опыт обманчив, суждение трудно. Поэтому не только врач должен употреблять в дело всё, что необходимо, но и больной, и окружающие, и все внешние обстоятельства должны способствовать врачу и его деятельности.

– Bravo! Не я мастер, а Вы, господин Гиппократ! Bravo, и ещё раз bravo! Когда будет очень плохо моей душе, когда я буду стонать и мучиться, я научу Вас говорить со вселенной, как с маленьким ребёнком, а иногда – ставить его в угол, чтобы не делал больших неприятностей. Первая неприятность в том, что она, именно она, вселенная, создала человека! Зачем?! Чтобы люди воевали за каждый клочок земли, скажете Вы. Да?

– Нет, я так не скажу. Я скажу: чтобы люди портили себя, своё здоровье, жили в страданиях...

– Хорошо, пусть будет так. Ибо Бог говорит нам, что наша жизнь пребывает в вечности. Но зачем им земля, если здоровья нет?! И мораль превратилась в аморальную гадость... Они, как свиньи, будут рыться в земле, пока не найдут в ней что-нибудь для продажи. Так как производить что-то они не хотят. Это им скучно, безрадостно... На этой продаже они построят цивилизацию. Как я построил «Чистилище». Но в моей подземке есть мудрость, благодаря которой мы живы. А там – он пальцем ткнул наверх – другие законы, другие порядки, и каждый думает, как обойти, как приструнить себе подобного... Это плохо... Это маразм...

И, не найдя больше слов, хозяин перешёл на стихи:

И опять растёт желанье —
Как подставить, обмануть...
Нет на это оправданья?!
Выбрали мы жуткий путь.
И в краю, где жизни птица
Разрывает небеса,
Может, снова нам приснится
Правда истины – гроза!
Надо верить, верить, верить...
Светлый образ должен жить.
Сердце прячет лицемерье
И простор безумной лжи.

Он тяжело вздохнул и продолжил:

Вновь люди в диких облаченьях
Ползут ко власти без ума.
Их каждый офис – смертная тюрьма:
Паденье духа, совести паденье.
Удел их – деньги, секс и торжество
Над теми, кто всё это не имеет.
А честь, любовь – дурное баловство —
Пособие для школьников, музеев.

Сволочкова принесла красивый персидский халат и новую белую рубашку с манишкой. Хозяин отложил рубашку, надел халат и стал похож на персидского шаха.

– Летом у нас с Анютой Евсеевной Сволочковой венчание и свадьба, – сказал он. – Далеко – на Соловецких островах. Приглашаем Вас. Там много озёр, лодок. Анюта – мастер спорта по гребле.

– Как-как? Повторите ещё раз. Я плоховато слышу, – насторожился врач.

– Там тысячи озёр, лодок. Анюта – мастер спорта по гребле...

– Теперь понятно... Я подумал превратно... Неужели, думаю, ещё один вид спорта появился, не по гребле, а по е...

– А-а-а! Вы хоть из металла, но страстная натура. Для памятников это большая редкость.

– Ну и разговоры у вас, господа, – неожиданно встрял классик.

– Был у меня однажды такой памятник, – продолжил рассуждать хозяин. – Ну и навозился я с ним, как с ребёнком. Только он начал говорить – и сразу: «Фи-фи, фи-фи, фи-фи...» Я сначала не понял, что ему надо. Но когда он сказал мне: «Милый друг, я вспомнил мадемуазель Фифи»... Это был самый болтливый памятник, скорее, шикарный бюст из бронзы.

– Я знал его, – глаза классика загорелись, хандра спала. – В конце девятнадцатого века он сошёл с ума. Если бы он этого не сделал, ему бы помогли или заставили.

Олигарх внезапно снял халат, надел рубашку с манишкой, пристально посмотрел на Льва Николаевича Толстого.

– Вы считаете, что человека можно заставить сойти с ума? – удивился олигарх.

– Запросто! Отними у него заслуги, которыми он радовал и восхищал людей всю жизнь, лиши его этой работы, лиши дохода от этой работы, и посмотришь, что от него останется. Тяжёлый сплин. Безумная немощ человека, потерявшего смысл жизни. Звали его Ги де Мопоссан. И очень жаль, что он сейчас молчит! Мардахай Абрамович, любезнейший из любезных созда-

телей прекрасных скульптур, бюстов, неужели нельзя помочь бедному страдальцу? Почему он молчит?

– Погодите, господа, переживать за француза. В нашем болоте не всё благополучно, и даже очень неблагоприятно. Практика подсказывает, что слова многих мудрых памятников мы сможем слышать только до следующего солнечного затмения...

– Я Вас не понял, – перебил Лев Николаевич.

– Объяснять долго и бесполезно. Но Вы всё-таки гигант. И Ваша проза под названием «Крейцера соната» потрясла меня. В общем, после наступающего солнечного затмения, уважаемый Лев Николаевич, Вы будете обычным бронзовым памятником, и мы поставим Вас опять в столовую к Авдотье Кирилловне, к Вашей сердечной подруге.

– Почему? – удивился писатель.

– После затмения Ваша ДНК и её белковая плазма потеряют связь с космосом, а чтобы возобновить работу, потребуются годы.

– Вот те на!.. – помрачнел классик. – А я хотел попросить у Вас литературной работы.

– Все хотят творческой работы. Особенно мумии. Я уж не говорю о великих памятниках, но все хотят быть президентами. По-настоящему работать никто не хочет. Даже великие творцы нашей истории желают больше отдыхать и наслаждаться любимыми женщинами, а женщины – мужчинами. Вы слышали, наша уважаемая мумия из центрального кордебалета Ксения Девчак, не знаю, надолго ли, покидает прославленный кордебалет и уходит наверх, – он опять показал пальцем в небеса. – Вот какие у нас мумии, палец в рот не клади. В каждой хорошо «упакованной» крошке своя изюминка, свой драйв. И как Вы думаете, чем она будет там... – он опять ткнул пальцем в потолок, – заниматься?

– Не знаю, я редко бывал наверху. Там сейчас свистопляска! И каждый хватается за денежную выгоду. Обратите внимание, не производственную, не моральную, касающуюся диалектики русской души, именно денежную. Вероятно, человек перестал верить многим духовным, материальным процессам и, как разбойник, упёрся в деньги. Только что он станет делать с ними, если буханка хлеба будет стоить миллиард, а каждая улыбка грабилы-прохиндея будет требовать большого вознаграждения, иначе он все награбленные «баксы» вывезет из России и рассуёт по всем земным и межпланетным офшорам.

– Но Вы меня сильно огорчили, мастер.

– Не огорчайтесь. Вы думаете, я не переживаю за Вас? Работа продолжается, но...

– Что ж, тогда надо торопиться. – Лев Николаевич поднялся с лавки.

– Погодите. Я, конечно, рискую, но на свадьбе Вы необходимы. Цыгане, русский фольклор – всё это должно быть. Но главное – тамада. Это Вы. Прочь уныние, классик! До скорой встречи! – олигарх опять надел персидский халат, пожал писателю руку, проводил до дверей.

Глава четвёртая

Код бессмертия

– Вы тоже считаете, что человека можно заставить сойти с ума? – обратился олигарх к Гиппократу. Гиппократ не торопился с ответом не потому, что был уверен, что можно, и так почти и бывает среди материально зависимых друг от друга людей. Он не хотел обидеть хозяина. Он, как и многие в Чистилище знал, что дочь Крупина, Зела, по кличке Катастрофа, часто страдает чувственными припадками и теряет не только память, но и свою честь, используя лёгкое прыгучее тело с первым попавшимся мужиком.

– Вы дружили с Колбасовым? Мне об этом Анаконда сообщила – его бывшая сто первая жена.

– Нет, упаси господь... Он гипертоник, кроме того, страдает жутким простатитом, постоянно обращался ко мне, к тому же заядлый подпольный пьяница.

– Об этом я узнал с большим запозданием, – сухо сказал олигарх.

– Извините, но Колбасов как раз тот человек, который может заставить сойти с ума кого угодно – даже Льва Николаевича.

– Вот как! – хозяин налил в золотую чашечку чёрный как уголь кофе, предложил Гиппократу присесть и выпить за компанию. Врач смутился, почему-то растерянно посмотрел на чашку.

– Нет, нет, спасибо, у меня сегодня клиентов больше, чем вчера, и многие хотят жить...

– Извините! Но Колбасов в розыске и я кое-что хотел бы от Вас услышать.

– Не дай бог, Мардахай Абрамович! Я всё чаще с ужасом думаю о том страшном времени, когда мы все вдруг (кроме Вас, конечно) окажемся в розыске... И Василий Великий, и Ломоносов, и Державин, и Батюшков, и Пушкин, и Лермонтов, и Писемский, и Толстой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.